

have been used. *As a result* of the research, the differences in formation of the category of mood in the system of the French and Ukrainian languages have been identified, and the structure of the pre-linguistic and mental process of formation of this category has been investigated. *The practical* application of the research results is possible in the process of developing the scheme for tense forms formation based on the material of the Western Romanic language subgroup. *The conclusions:* the Romance languages have the same scheme of constructing the tense at the pre-linguistic stage of formation. This system involves a three-level process of tense formation, consisting of «tense in potency», «tense in existence» and «tense in action». The two last stages, «tense in existence» and «tense in action» correspond to the subjunctive and indicative mood, which have their own, manifold mirrored network of tense forms in the subjunctive mood, except for the future tense. In contrast, a group of Slavic languages, in particular Ukrainian, has a different scheme for constructing the predicative structure of the sentence in terms of the tense, namely, the system of tense forms is only valid for the indicative mood, whereas in the conditional and imperative mood it is completely absent.

Key words: *predicativity, grammatical method, objective modal relations, subjective modal relations, category of tense, indicative mood, conditional mood, imperative mood.*

Надійшла до редколегії 05.04.18

<https://doi.org/10.15421/251807>

УДК 811.161.1'38

КУВАРОВА Елена Константиновна

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара;
пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38 (056) 374-98-80;
e-mail: elkuvarova@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-2925-3648

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОКАТИВОВ В ПИСЬМАХ И. А. БУНИНА

Аннотация. *Цель исследования* – изучение эмоционального и эстетического потенциала обращений и других языковых средств адресации, объединяемых термином *эпистолярный вокатив*, в письмах И. А. Бунина. *Объект изучения* – вокативы в эпистолярии И. А. Бунина, *предмет* – структура, семантика и функции вокативов. *Материал исследования* – 1383 вокатива и вокативных конструкции, зафиксированные в опубликованных письмах И. А. Бунина. Используются описательный *метод*, методики контент-анализа, контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа. *Практическое применение* возможно в процессе преподавания стилистики русского языка. **Выводы:** вокативы в письмах И. А. Бунина выполняют не только традиционно выделяемые лингвистами функции адресации (установления контакта), номинации и характеристики объекта речи, но и эмоционально-экспрессивную функцию, выражая широкий спектр эмоций, испытываемых автором к адресату. Особая роль в передаче эмоционального отношения к адресату письма принадлежит поливокативу, который в условиях дистантной коммуникации создаёт эффект непрерывного присутствия адресанта, постоянной связи между корреспондентами. В дружеских письмах И. А. Бунина вокативы часто становятся средством языковой игры, выполняя эстетическую функцию, и формируют креативность эпистолярного дискурса.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, вокатив, обращение, письмо, эпистолярный текст.*

Постановка проблемы. Литературное наследие И. А. Бунина велико и разнообразно в жанровом плане: это стихотворения, рассказы, повести, романы, литературно-критические статьи, публицистика, литературные портреты, дневники, воспоминания. Творчество писателя подвергалось научному анализу в разных аспектах, но осмысление его вряд ли будет достаточно полным и адекватным без привлечения писем в качестве не только историко-биографического источника, но

и фактического материала, позволяющего изучить языковую личность их автора. В течение многих лет И. А. Бунин вёл переписку с целым рядом адресатов, среди которых были его старший брат Юлий Бунин, возлюбленная Варвара Пашенко, писатели и поэты Г. В. Адамович, Л. Н. Андреев, В. Я. Брюсов, М. Горький, Б. К. Зайцев, В. В. Набоков, Б. Г. Пантелеймонов, Н. Д. Телешов, Л. Н. Толстой, Н. А. Тэффи, В. Ф. Ходасевич, А. П. Чехов, И. С. Шмелёв, архимандрит Киприан, издатели В. С. Миролубов, К. П. Пятницкий, литературный критик Г. Брандес, главный редактор газеты «Новое русское слово» М. Е. Вейнбаум, художник П. А. Нилус, шведский переводчик профессор С. В. Агрелл и др. Опубликованные письма занимают шесть томов полного собрания сочинений И. А. Бунина [3].

Связь с предыдущими исследованиями. Содержание писем Бунина охватывает самые разные темы и представляет интерес, в первую очередь, с точки зрения документально-биографической, мы же остановимся на признаках письменного послания как речевого жанра, и в частности на адресованности как его конститутивной, по М. М. Бахтину, особенности [2, с. 295], изучение которой способствует выяснению закономерностей межличностного взаимодействия и способов эффективного речевого воздействия автора писем на адресата. В качестве одной из типичных этикетных единиц, наиболее регулярно употребляемых в письмах для указания адресата, внимание исследователей эпистолярки привлекают обращения, в том числе обращения нестандартные, окказиональные, индивидуально-авторские [5; 14]. Описаны структура и стилистические функции обращений в письмах А. П. Чехова [1; 6], И. С. Тургенева [7], В. С. Высоцкого [9], бунинские же эпистолярные обращения пока не становились предметом лингвистического исследования.

Целью данной статьи является изучение эмоционального и эстетического потенциала обращений и других языковых средств адресации, объединяемых термином *эпистолярный вокатив*, в письмах И. А. Бунина.

Мы рассматриваем обращение, традиционно определяемое в русской грамматике как «имя в форме Именительного падежа, возможно – с зависящими от него словоформами, в составе предложения или в относительно независимой позиции при нём, называющее того, кому адресована речь» [11, с. 496], в качестве частного случая эпистолярного вокатива, толкуемого как номинирующее указание автором письма своего адресата непосредственно в тексте соответствующего послания, ориентированное на установление контакта между коммуникантами. Вокатив может быть прямым, когда он представляет собой собственно обращение в традиционной его форме именительного падежа; опосредованным (косвенным), если он выражен каким-нибудь иным лингвистическим образованием, и в частности каким-либо функционально маркированным членом предложения, в котором осуществляется перевод обращения в субъект или объект высказывания; и совмещённым, т. е. сочетающим прямое обращение и опосредованный вокатив. Все разновидности вокатива могут выполнять те же функции, которые присущи собственно обращению. В. Е. Гольдин считает основными функциями обращения выделение (номинацию), характеристику адресата и социальную регуляцию общения [4, с. 81]. По мнению А. Ф. Прияткиной, обращение, первичная функция которого – установление коммуникативного контакта (функция адресации), получает дополнительные, вторичные функции (характеризация и номинация предмета речи) и в силу этого проявляет тенденцию к тому, чтобы от положения вне высказывания перейти на положение его компонента и даже стать его коммуникативным центром [10, с. 164–170]. Л. П. Рыжова пишет, что «обращение как компонент текста (высказывания) реализует все те коммуникативные функции, которые присущи языковой системе в целом и тексту как речевому произведению», и

в качестве частного компонента фатической (контактоустанавливающей) функции выделяет вокативную функцию обращения, или функцию адресации [12, с. 83–84].

Изложение основного материала. В письмах И. А. Бунина мы зафиксировали 1383 вокатива, включая как нераспространённые обращения, выраженные антропонимом или апеллятивом, так и различные по структуре и наполнению вокативные конструкции. В целом количественно преобладают вокативы и вокативные конструкции на базе антропонима в форме имени или имени и отчества адресата письма: их 689, тогда как вокативов и вокативных конструкций, построенных на базе апеллятива (того или иного имени нарицательного), – 653, ещё 41 вокативная конструкция включает комбинацию антропонима и апеллятива. При этом обращает на себя внимание то, что антропонимы (детерминированные или нет) преобладают в общей массе вокативов незначительно, тогда как общая статистика употребления двух классов имени существительного в составе эпистолярного вокатива у разных авторов такова: примерно 66 процентов обращений в письмах составляют имена собственные, одиночные или распространённые, вместе же с конструкциями, представляющими собой комбинацию апеллятива и антропонима, их число превышает 77 процентов [8, с. 215], поэтому можно говорить о том, что Бунин всё же отдавал определённое предпочтение различным именам нарицательным в качестве средства адресации письма.

Чаще всего Бунин обращался в письмах к своим адресатам, как это принято в русской лингвокультурной общности, по имени и отчеству в сопровождении детерминанта *дорогой* (зафиксирована 171 реализация модели *Дорогой ИО*). Вторая по частоте реализации форма обращения – имя адресата без каких-либо распространителей (модель вокатива *И* насчитывает в нашей выборке 160 реализаций). Далее наиболее регулярно используемые в письмах Бунина модели вокатива с доминантой-антропонимом таковы: *Многоуважаемый ИО* (75 реализаций), *Милый И* (56), *Дорогой И* (35), *ИО* (33), *Милый и дорогой И* (20), *Уважаемый ИО* (14), *Дорогой О* (14). Самые употребительные модели вокатива с доминантой-апеллятивом – это *Милый* (68 реализаций), *Дорогой друг* (58), *Дорогой мой* (55), *Дорогой* (48), *Брат* (варианты: *братка*, *братец*, *братишка*) (34), *Милый друг* (24), *Голубчик* (*голубёночек*, *голубочка*) (23), *Деточка* (21), *Зверочек* (16), *Милый и дорогой друг* (14), *Драгоценный мой* (14).

Из 1383 вокативов мы зафиксировали 242 таких, которые построены по разным моделям. Единичных вокативов, т. е. конструкций, употреблённых Буниным только один раз, – 156, что от общего количества моделей составляет около 64 процентов. Такого рода соотношение между количеством используемых Буниным вокативов и степенью их разнообразия многое может говорить о личности самого адресанта, в том числе и о круге лиц, с которыми он вёл переписку, и о постоянном поиске новых, нестандартных форм обращения к одному и тому же адресату. Обращаясь к своему корреспонденту по имени и отчеству, писатель сопровождает антропоним не только общепринятыми этикетными определениями *дорогой*, *милый*, *многоуважаемый*, *уважаемый*, *глубокоуважаемый*, но и сочетаниями их, подчёркивающими уважительное отношение к адресату или особую значимость его в жизни автора писем, например: *Дорогой и глубокоуважаемый ИО*, *Милый и дорогой ИО*, и даже совершенно необычным для вокативных конструкций эпитетом *ядовитейший*, начиная письмо к А. С. Черемнову так: *Ядовитейший Александр Сергеевич. Простите, пожалуйста, что не тотчас ответил на ваше милое и как всегда смешное письмо* [3, т. 14, с. 152].

Ещё более разнообразны определения, которыми Бунин сопровождает обращение к адресату по имени: *милый*, *дорогой*, *хороший*, *драгоценный*, *бесценный*,

ненаглядный, славный, золотой, незаменимый, уважаемый, любезный, родимый, великолепный. Чаще всего эмоциональные определения сопровождают обращения к брату Юлию и возлюбленной Варваре Пашенко: *драгоценный Юринька; милый, незаменимый, дорогой мой Юричка; мой милый и уважаемый Юринька* [3, т. 11, с. 19, 147, 189], *милая моя и хорошая Ляличка; моя бесценная Варичка; бесценная, милая Варенька; Варюша! Хорошая моя! Бесценная моя!; Варенька, бесценная, ненаглядная моя* [Там же, т. 11, с. 21, 30, 32, 46, 73] и т. п. Эмоциональность таких вокативов формируется также благодаря варьированию формы имени, как, например, в бунинских обращениях к брату: *Юричка; милый и дорогой Юлинка; дорогой Юлий; Юликсеич; Юынка* (имитация детского произношения); *драгоценный Люкася* («лепетное» имя); *милый, дорогой Юрий; милый Юрочка; милый, великолепный Юринька; Юлий* [Там же, т. 11, с. 263, 18, 183, 184, 223, 219, 246, 292, 250, 260], *милый Юленька* и даже *Лисансули Лисанса* [3, т. 12, с. 87, 33]. К тем адресатам, с которыми Бунин был дружен, – И. А. Белоусову, Н. Д. Телешову, А. М. Митрофанову – писатель иногда обращался только по отчеству, используя синкопированную его форму, характерную для разговорной речи: *Дорогой Алексеич; Дорогой Митрич; Дорогой Митрофаныч* [Там же, т. 12, с. 89, 94, 99], – такие вокативы являются средством стилизации непринуждённого естественного общения.

Обращения-апеллятивы и вокативные конструкции, образованные на основе имён нарицательных, в письмах Бунина также характеризуются разнообразным лексическим наполнением и широким диапазоном сопутствующих коннотаций. Автор писем находит множество нежных слов, обращаясь к В. Пашенко: *голубчик, деточка; голубёночек мой, деточка, хорошая моя; ангел мой; моя бесценная, умная, хорошая девочка; голубчик; мамочка, голубёночек, ненаглядный мой; зверочек мой, дорогой мой, бесценный; радость моя, сердце моё, жёночка; дорогая моя, радость моя; ангелочек мой; зверок; свинёночек мой ненаглядный; дорогая моя, умненькая девчурочка; дорогаечка* [3, т. 11, с. 43, 45, 46, 52, 54, 55, 56, 79, 84, 124, 141, 146]. Обилие диминутивов, эпитетов, метафорических обращений, посесивы типа *радость моя, голубочка моя, моя жёночка*, вокативы-окказионализмы *голубёночек, дорогаечка, зверёнка, обезьяночка*, нанизывание обращений, образующих целые вокативные ряды (термин В. К. Харченко [13, с. 80]), – всё это создаёт атмосферу обожания и безоглядной юношеской любви, которой наполнены письма к В. Пашенко. Вследствие сильного эмоционального напряжения, пронизывающего эти послания, обращение зачастую повторяется в письме неоднократно в неизменённом виде либо с изменениями лексического состава и синтаксической структуры. Вот пример из письма И. А. Бунина, написанного, как это следует из текста, в условиях крайне ограниченного времени, на железнодорожной станции, во время стоянки поезда. В нескольких строчках автор письма трижды обращается к своему адресату:

*Драгоценная моя! пишу тебе на станции, пользуясь пятиминутною стоянкою. Я не могу не сказать тебе в эту минуту, что вся моя душа переполнена тобою. **Варя! дорогая моя!** ты друг мне, ты моя милая, близкая, любимая!.. Прости мне, ради Бога, прости мою давешнюю маленькую вспышку, мое недовольство.*

Если мучимый страстью мятежной

Позабылся ревнивый твой друг

И в душе его кроткой и нежной...

***Варя, милая!** Звонок! [3, т. 11, с. 69–70].*

Многие бунинские письма этого периода содержат не одно, а несколько обращений к адресату, образующих особую фигуру письменной адресации – поливокатив, например: *милая ... милая ... драгоценная моя ... Ляличка ... бесценная, милая Варенька ... дорогая моя ... о, моя бесценная, дорогая моя, жизнь моя, Варенька ... де-*

точка ... Варенька! Бесценная! ... милая, бесценная моя ... Варюшечка [3, т. 11, с. 32–33]; Деточка! ... Варичка ... ты, близкая моя, друг мой! ... О зверочек мой! ... зверочек ... Варенька ... Варенька ... Девочка! Милая! ... [Там же, т. 11, с. 70–72].

Сопоставление моновокатива и поливокатива в письмах И. А. Бунина показывает, что недетерминированные апеллятивы, такие как *деточка, голубчик, братка, братишка, зверочек, девочка, зверёнок, свинёночек, голубёночек, дорожечка, обезьяночка, мама, папа, мамочка, папочка*, функционируют чаще всего в составе поливокатива; для моновокатива подобная номинация адресата нехарактерна. В качестве компонентов поливокатива регулярно употребляются и вокативные конструкции с субстантивированным адъективом: *бесценная моя; милая, драгоценная моя; моя ненаглядная; дорогая моя, хорошая; бесценная, хорошая моя; милая и хорошая моя* и т. п.

Дружеские письма И. А. Бунина нередко демонстрируют примеры совершенно иной модальности общения. Так, одно из писем Н. Д. Телешову Бунин начинает ироническим вокативом: *Однако ты – гусь!* [3, т. 12, с. 26]. К Петру Нилусу, с которым писателя связывала, по точному выражению издателей, «дружба длиною в жизнь» [3, т. 14, с. 108], он мог обращаться то нежно и возвышенно: *дорогой и золотой друг мой* [Там же, т. 14, с. 110], то пренебрежительно: *старая транда*. Впрочем, такое обращение в контексте послания звучит не оскорбительно, а всего лишь отчасти нейтрализует тональность похвалы, торжественный пафос которой был бы, по-видимому, не вполне уместен в дружеском письме: *Целую тебя и горжусь тобой, старая транда* [Там же, т. 14, с. 130].

К поэту, писателю, переводчику А. М. Фёдорову Бунин обращается в одном из своих писем: *Федореско, где ты?* [3, т. 12, с. 86]. В этом вопросе, открывающем текст, имитация устной диалогической коммуникации сочетается с этнически стилизованной формой фамилии адресата, задающей шутовскую тональность всему письму. Разного рода антропонимическая игра встречается в обращениях Бунина и к другим адресатам. Например, к Борису Зайцеву, работавшему над автобиографической тетралогией «Путешествие Глеба», Бунин не раз обращался, контаминируя имена автора и героя романа: *Борисоглеб!* [3, т. 14, с. 25]. Ассоциация с именами православных святых великомучеников аллюзийно напоминает о трагизме описанного Б. К. Зайцевым в составляющих тетралогии романах уже исчезнувшего мира, не ведавшего в своей былой гармонии о том, что он обречён на гибель. В других обращениях к Б. Зайцеву Бунин обыгрывает его происхождение. Намекая на то, что бабушка Бориса Константиновича была полькой, Бунин обращается к нему: *дорогой мой ясновельможный пан; дорогой поляк; дорогой «старушек»* [Там же, т. 14, с. 24, 32, 41]. Бунинская ирония становится понятна после прочтения письма, в котором вокатив *дорогой старушек* получает авторское пояснение: *Получил твое письмо, **дорогой старушек**, благодарю, целую и извещаю, что отныне я буду звать тебя именно так: старушек (staruszek). Хоть ты и поляк, а, верно, не знаешь, что по-польски это значит старик – честное слово. А множественное число staruszkі (старушки) – это вы с Верой* [Там же, т. 14, с. 28].

В послевоенные годы дружба и регулярная переписка связывали И. А. Бунина с Б. Г. Пантелеймоновым – интересной и разносторонней личностью, химиком по образованию и роду деятельности, сибиряком по рождению, таёжным охотником, литератором, знатоком отечественной и мировой литературы и философии. Практически все эти грани личности нашли своё отражение в вокативах-прозвищах, которыми Бунин обозначал его в своих письмах, например: *Дорогой писатель и Химик* [3, т. 15, с. 41]; *Дорогой Таёжник, Пантелей Менделевич, Миклухо-Маклай* [3, т. 13, с. 185]. Здесь и прямое указание характера занятий

адресата, и намёк на его страсть к путешествиям, и псевдоотчество, образованное от фамилии химика Менделеева – коллеги Б. Пантелеймонова. Ещё вариант отчества с тем же подтекстом – *Милый, дорогой Менделеймонович* [3, т. 15, с. 12]. В других письмах Бунин образует шутливое имя и отчество адресата от его же фамилии: *Милый Пантелей Пантелеевич* [3, т. 13, с. 200], *дорогой Пан-Телей* [3, т. 15, с. 26] – или от апеллятива *патриот*: *Дорогой Патриот Патриотович!* [Там же, т. 15, с. 8], называет его именем первооткрывателя Сибири, с которым Пантелеева роднила страсть к путешествиям и открытиям: *Ермак Пантелеич* [Там же, т. 15, с. 11]. В качестве обращений к адресату Бунин использовал и номинации с литературно-аллюзийным подтекстом: производное от клички обезьяны Васьки – героя одного из рассказов Пантелеймонова: *Дорогой Васин* [Там же, т. 15, с. 22], название повести В. Катаева: *Сын трудового народа* [3, т. 13, с. 188], фамилию героя романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: *Любезный князь Мышкин* [3, т. 15, с. 14], имя лермонтовского героя: *Дорогой Демон*, – подкрепляя отсылку к поэме цитатой из либретто П. А. Висковатова к опере А. Г. Рубинштейна «Демон», данной в скобках сразу же после обращения: *(Всё, всё, что пред собой я вижу, – всё проклинаю, ненавижу!)* [Там же, т. 15, с. 36] и др. Есть в письмах И. А. Бунина Б. Г. Пантелеймонову и обращения-метафоры, характеризующие внешность адресата, в частности седину его волос: *седой канадский тигр* [3, т. 13, с. 181]; *Серебристый Канадский бобёр* [3, т. 15, с. 45]. Все эти разнообразные вокативы не только воссоздают атмосферу общения двух художников слова, но и организуют текст письма, во многих случаях находя поддержку и отзвук в самономинации адресанта, а иногда и в содержательной части послания. Так, письмо, открывающееся вокативом *Дорогой Васин*, Бунин подписывает: *Ваши Ванин*, обыгрывая уже своё собственное имя, а в тексте приводит стихотворный экспромт, в котором упоминает *Тётю Васину*, имея в виду жену Б. Г. Пантелеймонова [Там же, т. 15, с. 22]. В письме, начатом обращением *Отче Рыбоудче*, – подпись: *Описатель природы, тяжело страдающий без Сталинградской России* [Там же, т. 15, с. 37]. Бунин не только, как уже было показано, называл Пантелеймонова именами литературных персонажей, но и сам мог подписывать письма чужими именами, например: *Ваши Сухово-Кобылин; Ваши Иван Лебедев-Кумач* [Там же, т. 15, с. 37, 40] и др.

Выводы. Таким образом, вокативы в письмах И. А. Бунина выполняют не только традиционно выделяемые лингвистами функции адресации (установления контакта), номинации и характеристики объекта речи, но и эмоционально-экспрессивную функцию, выражая широкий спектр эмоций, испытываемых автором к адресату. Особая роль в передаче эмоционального отношения к адресату письма принадлежит поливокативу, который в условиях дистантной коммуникации создаёт эффект непрерывного присутствия адресанта, постоянной связи между корреспондентами. В дружеских письмах И. А. Бунина вокативы часто становятся средством языковой игры, выполняя эстетическую (или поэтическую, по Р. О. Якобсону) функцию, и формируют креативность эпистолярного дискурса.

Библиографические ссылки

1. Абашина В. Н. Обращение в эпистолярной А. П. Чехова. *Русский язык в поликультурном мире*: IV Междунар. науч.-практ. конф. (7–10 июня 2010, г. Ялта): сб. науч. работ. Киев, 2011. С. 6–10.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества* / сост. С. Г. Бочаров. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. С. 250–296.
3. Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13 т. / рук. издат. проекта Г. В. Пряхин. М.: Воскресенье, 2006–2007 гг. Т. 11. 2006. 515 с.; Т. 12. 2006. 580 с.; Т. 13. 2006. 495 с.; Т. 14, доп. 2006. 596 с.; Т. 15, доп. 2006. 519 с.; Т. 16, доп. 2007. 560 с.

4. Гольдин В. Е. Регулятивные обозначения лиц в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). *Проблемы развития языка: межвуз. науч. сб.* Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С. 78–94.
5. Журавльова Н. М. Індивідуально-авторські та оказіональні гоноративи в епістолярному стилі XIX – початку XX ст. *Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы II Междунар. науч. конф.* (Днепропетровск, 14–15 апреля 2005 г.). Днепропетровск: Пороги, 2005. С. 149–153.
6. Захарова В. Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А. П. Чехова. *Языковое мастерство А. П. Чехова* / отв. ред. Л. В. Баскакова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. С. 110–115.
7. Климова Н. В. Структура и стилистические функции обращений в письмах И. С. Тургенева. *Исследования по русскому языку.* Днепропетровск, 1970. С. 127–133.
8. Куварова Е. К. Типология русского эпистолярного вокатива: монография. Днепропетровск: Новая идеология, 2014. 380 с.
9. Курьянович А. В. О коммуникативно-прагматической сущности эпистолярного диалогизма (на материале писем В. С. Высоцкого). *Вестник Томск. гос. пед. ун-та.* 2012. Вып. 10 (125). С. 174–179.
10. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие для филол. спец. вузов. Москва: Высш. шк., 1990. 176 с.
11. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Москва: Рус. яз., 1990. 640 с.
12. Рыжова Л. П. Коммуникативные функции обращения. *Семантика и прагматика синтаксических единств: межвуз. темат. сб.* Калинин: Калининский гос. ун-т, 1981. С. 76–86.
13. Харченко В. К. Современная повседневная речь. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. 184 с.
14. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербург, 2008. 187 с.

References

1. Abashina, V. N. (2011), «Appeal in the Epistolary by A. P. Chekhov», *Russian language in a multicultural world: IV Intern. scientific-practical. conf.* (June 7-10, 2010, Yalta): *col. of sci. papers* [«Obrashhenie v jepistoljarii A. P. Chehova», *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (7–10 ijunja 2010, g. Jalta): sb. nauch. rabot], Kiev, pp. 6–10.
2. Bahtin, M. M. (1986), «The Problem of Speech Genres», Bahtin, M. M. *Aesthetics of verbal creativity* [«Problema rechevyh zhanrov», Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* / sost. S. G. Bocharov. 2-e izd.], Iskusstvo, Moscow, pp. 250–296.
3. Bunin, I. A. (2006–2007), *Full composition of writings* [Polnoye sobraniye sochineniy v 13 t. / ruk. izdat. proekta G. V. Prjahin], Voskresenye, Moscow, V. 11, 2006, 515 p.; V. 12, 2006, 580 p.; V. 13, 2006, 495 p.; V. 14, add., 2006, 596 p.; V. 15, add., 2006, 519 p.; V. 16, add., 2007, 560 p.
4. Gol'din, V. E. (1981), «Regulatory designations of persons in the "Dictionary of the Academy of the Russian" (1789–1794)», *Problems of Language Development: Interuniversity col. of sci. papers* [«Reguljativnye oboznachenija lic v «Slovare Akademii Rossijskoj» (1789–1794)», *Problemy razvitija jazyka: mezhvuz. nauch. sb.*], Izd-vo Sarat. un-та, Saratov, pp. 78–94.
5. Zhuravl'ova, N. M. (2005), «Individually authored and occasional commemorations in the epistolary style of the 19th and early 20th centuries», *Lexical-grammatical innovations in modern Slavic languages: materials II International. scientific conf.* (Dnipropetrovsk, April 14–15, 2005) [«Individual'no-avtors'ki ta okazional'ni gonorativi v epistoljarnomu stili XIX – pochatku XX st.», *Leksiko-grammaticheskie innovacii v sovremennyh slavyanskij*

- jazykah*: материалы II Mezhdunar. nauch. konf. (Dnepropetrovsk, 14–15 aprelya 2005 g.)], Porogi, Dnepropetrovsk, pp. 149–153.
6. Zaharova, V. E. (1988), «On the functions and structure of the initial treatment in private letters by A. P. Chekhov», *Language skills of Anton Chekhov* [«О функціях і структурі початкового обрашнення в особистих листах А. П. Чехова», *Jazykovoje masterstvo A. P. Chehova*, отв. ред. L. V. Baskakova], Izd-vo Rostovskogo un-ta, Rostov n/D, pp. 110–115.
 7. Klimova, N. V. (1970), «Structure and stylistic functions of appeals in the letters of I. S. Turgenev», *Studies on the Russian language* [«Структура і стилістическіє функції обрашнення в листах І. С. Тургенева», *Issledovanija po russkomu jazyku*], Dnepropetrovsk, pp. 127–133.
 8. Kuvarova, E. K. (2014), *Typology of the Russian epistolary vocative* [Типологія російського єпістолярного вокатива: монографія], Novaja ideologija, Dnepropetrovsk, 380 p.
 9. Kur'janovich, A. V. (2012), «On the communicatively-pragmatic essence of epistolary dialogism (on the material of the letters of V. S. Vysotsky)», *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University* [«О комунікативно-прагматическој сущності єпістолярного діалогізма (на матеріалі листів В. С. Висоцького)», *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*], issue 10 (125). pp. 174–179.
 10. Prijatkina, A. F. (1990), Russian language. Syntax of the complicated sentence [Русский язык. Синтаксис сложноподчиненного предложения: учеб. пос. для филол. спец. вузов], Vysshaja shkola, Moscow, 176 p.
 11. *Russian grammar* (1990), [*Russkaja grammatika*, pod red. N. Ju. Shvedovoj i V. V. Lopatina], Russkij jazyk, Moscow, 640 p.
 12. Ryzhova, L. P. (1981), «Communicative functions of circulation», *Semantics and pragmatics of syntactic unity*: Interuniversity. temat. collection [«Коммуникативные функции обрашнення», *Semantika i pragmatika sintaksicheskikh edinstv*: mezhvuz. temat. sbornik], Kalininskij gos. un-t, Kalinin, pp. 76–86.
 13. Harchenko, V. K. (2010), *Modern everyday speech* [*Sovremennaja povsednevnaja rech'*. Izd. 2-e, pererab. i dop.], Izd-vo LKI, Moscow, 184 p.
 14. Chernjajeva, A. B. (2008), *Functioning of appeal in the friendly letter of creative intelligentsia of the late 19th – first quarter of the 20th century: dissertation* [*Funkcionirovanie obrashhenija v družeskom pis'me tvorčeskoj intelligencii konca XIX – pervoj četverti XX veka* : diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 – russkij jazyk], Sankt-Peterbourg, P. 187.

КУВАРОВА Олена Костянтинівна

кандидат філологічних наук, доцент кафедри загального та слов'янського мовознавства
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара; пр. Гагаріна, 72, м. Дніпро, 49010,
Україна; тел.: +38 (056) 374-98-80; e-mail: elkuvarova@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-2925-3648

ЕМОЦІЙНИЙ ТА ЕСТЕТИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ВОКАТИВІВ У ЛИСТАХ І. О. БУНІНА

Анотація. *Мета дослідження* – вивчення емоційного та естетичного потенціалу звертання та інших мовних засобів адресації, які об'єднуються терміном *єпістолярний вокатив*, у листах І. О. Буніна. *Об'єкт дослідження* – вокативи в епістолярії І. О. Буніна, *предмет* – структура, семантика та функції вокативів. *Матеріал дослідження* – 1383 вокативи і вокативні конструкції, зафіксовані в опублікованих листах І. О. Буніна. Використано описовий метод, методики контент-аналізу, контекстуального та комунікативно-прагматичного аналізу. *Практичне застосування* можливе в процесі викладання стилістики російської мови. **Висновки:** вокативи в листах І. О. Буніна виконують не лише традиційно виокремлювані лінгвістами функції адресації (установлення контакту), номінації та характеристики об'єкта мовлення, а й емоційно-експресивну функцію, передаючи широкий спектр емоцій у стосунках автора й адресата. Особлива роль у вираженні емоційного ставлення до адресата листа належить полівокативу, який в умовах дистанційної комунікації створює ефект безперервної присутності адресанта, постійного зв'язку між кореспондентами. У дружніх листах І. О. Буніна вокативи часто стають засобом мовної гри, виконуючи естетичну функцію, і формують креативність єпістолярного дискурсу.

Ключові слова: І. О. Бунін, вокатив, звертання, лист, єпістолярний текст.

Yelena K. KUVAROVA

Candidat of Science, Philology, Docent of the Department of General and Slavonic Linguistics of Oles Honchar Dnipro National University; Gagarin Avenue, 72, Dnipro, 49010, Ukraine; tel.: +38 (056) 374-98-80; e-mail: elkuvarova@gmail.com; ORCID ID 0000-0002-2925-3648

**EMOTIONAL AND AESTHETIC POTENTIAL OF VOCATIVES IN THE LETTERS
OF I. A. BUNIN**

Summary. *The aim* of the research is to study the emotional and aesthetic potential of the forms and linguistic means of addressing unified by the term epistolary vocative on the material of letters by I. A. Bunin. *Objects of study* are vocatives in the epistolary of I. A. Bunin and the *subject* is the structure, semantics and functions of vocatives. *Material* of the research includes 1383 vocatives and vocative constructions observed in the published letters of I. A. Bunin. In the research we used such *methods* as descriptive method, method of content-analysis, methods of contextual and communicative-pragmatical analysis. *Practical application* of the research is possible while teaching the stylistics of Russian language. **Conclusion:** vocatives in the letters of I. A. Bunin carry out not only traditionally distinguished functions such as addressing or contact stating, nomination and characteristic of the object of speech, but also emotional-expressive function, which expresses a wide range of author's plays an important role in this process. In the conditions of distant communication polyvocative creates the effect of addresser's continuous presence and constant connection between correspondents. In friendly letters of I. A. Bunin vocatives often serve as a means of a wordplay, performing aesthetic function and forming the creativity of epistolary discourse.

Key words: I. A. Bunin, vocative, address, letter, epistolary text.

Надійшла до редколегії 07.02.2018 р.

<https://doi.org/10.15421/251808>

УДК 811.161.1'373.611

ЛИПИНА Виктория Ивановна

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной филологии восточных и англоязычных стран Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38(056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0001-9089-5159

ДАЩЕНКО Анна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры сравнительной филологии восточных и англоязычных стран Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; пр. Гагарина, 72, г. Днепр, 49010, Украина; тел.: +38(056) 374-98-78; E-mail: kafedra_upf@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-3432-3679

**ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ОБРАЗА ДИКОГО ГУСЯ
В КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ***

Аннотация. *Цель исследования* – выявить лингвоэстетические параметры художественного образа «гусь», центрального в системе китайской классической поэтики с точки зрения исторической лингвoseмантики и литературоведческой стилистики. *Объект изучения* – китайская классическая поэзия («Шицзин», жанры *ши* и *цы*), *предмет* – основные вехи семантической и символической трансформации образа гуся в истории китайской классической поэзии. *Материал исследования* – корпус классических стихотворений, написанных Цао Чжи, Ду Фу, Хуан Тинцзянем и Ли Цинчжао. В *результате* исследования выявлена инвариантная семантическая модель образа гуся и историческая трансформация образа в ходе исторического развития китайской литературы. *Практическое применение* результатов возможно в исследованиях истории языка китайской классической поэзии

© Липина В. И., Дашенко А. В., 2018

*Представленные в статье результаты анализа некоторых китайских текстов были получены в рамках гранта, предоставленного Г. В. Дашенко Chiang Ching-kuo Foundation for International Scholarly Exchange (Тайвань) и European Association for Chinese Studies.